

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Jordi Fuentes. *Diccionario y gramática de la lengua de la Isla de Pascua. Pascuense-castellano. Castellano-pascuense. Santiago, Chile, 1960, 1082 стр.*. Текст параллельно на испанском и английском языках.

Остров Пасхи, история и культура его народа всегда привлекали внимание ученых разных стран. Литература, посвященная различным проблемам, археологии, истории иероглифической письменности о-ва Пасхи, довольно обширна, но работ по рапануйскому языку мало. В распоряжении специалистов имеются лишь три словаря¹ и отдельные списки слов, приводимые исследователями о-ва Пасхи и Полинезии². Наиболее ценной до сих пор является работа С. Энглерта³, большого знатока истории, фольклора и языка о-ва Пасхи. Энглерт не только собрал интересные сведения по истории и этнографии жителей этого острова, но привел большой материал по рапануйскому языку, включив в свою книгу тексты, подробный очерк грамматики и словарь.

Рецензируемая работа Хорди Фуэнтеса основана на полевом материале и состоит из двух больших разделов: грамматики и словаря рапануйского языка. Раздел «Рапануйская грамматика» сопровождается библиографией, включающей 26 наименований книг, из которых, правда, лишь 12 посвящены о-ву Пасхи. Фуэнтес приводит богатый материал по лексике и грамматике современного рапануйского языка, на котором в наши дни говорят жители о-ва Пасхи. Задача, которую поставил перед собой автор, — изучить именно современный язык, чтобы понять «душу народа» (стр. 11), — объясняет и методы подбора материалов, положенных в основу грамматики и словаря. Наибольшее внимание Фуэнтес, сам побывавший на о-ве Пасхи, уделял опросу рапануйцев разных слоев и возрастов; наряду с этим он опрашивал рапануйцев, прибывавших на континент (стр. 13, 15). Все примеры, иллюстрирующие употребление различных грамматических форм, взяты из повседневной речи рапануйцев, с которыми встречался автор. Многие языковые факты, отмеченные Фуэнтесом (см., напр., раздел «Глаголы»; резко расходятся с материалами Энглерта⁴, и идут вразрез также и с грамматикой современных фольклорных текстов. Это объясняется тем, что рапануйский язык в последние годы претерпел (под влиянием таитянского и испанского языков) сильные изменения, отразившиеся, как видно из работы Фуэнтеса, не только на лексике и грамматическом строе языка, но, видимо, и на звуковой системе. Так, в современном языке Фуэнтес отмечает звук *b* 'б'. Но для рапануйского языка характерен был губно-губной звук *v* 'в', который, вероятно, и дал под влиянием испанского в современном языке *b*, 'б'. Для полинезийских языков этот звук вообще не характерен и встречался лишь на острове Тонга-табу (под влиянием фиджийского)⁵.

Работа Фуэнтеса оказалась бы более ценной, если бы автор написал ее в историческом плане. Фуэнтес же, к сожалению, ограничился изучением рапануйского языка последних 5—6 лет. Такие авторы, как Томсон⁶, Черчилль⁷, Метро⁸, Энглерт⁹, бережно отнеслись к культурному наследию жителей о-ва Пасхи и попытались зарегистрировать все то, что оставило какой-то след в памяти рапануйцев. Фуэнтес же не учел материалы, собранные этими авторами, использовав в какой-то степени лишь словарь Энглерта. Сейчас, конечно, трудно еще говорить о написании исторической грамматики рапануйского языка, но показать развитие отдельных грамматических форм все же возможно.

Словарь Фуэнтеса охватывает 4300 рапануйских слов (по подсчету автора), включая архаизмы, ономастику и топонимику. Имена божеств, топонимические названия (названия пещер, аху и др.) приводятся главным образом по работе Чарлин Охенда¹⁰ (и только некоторые по Энглерту) и даются в одной словарной статье под основным словом. Эта система, правда, не всегда выдерживается. Так, названия расщелин *Aba-o-iko*, *Aba-raga-uka-atokerau-hau*, названия озер в кратере вулкана *Rano-aroi*, *Rano-haha-hana*, *Rano-kau*, *Rano-Raraku* даются отдельными словарными статьями, а не под словами *aba* 'расщелина' или *rano* 'озеро в кратере вулкана'. Некоторое неудобство пользования словарем заключается в том, что имена собственные и географические названия часто даются строго по алфавиту с учетом артиклей *ko*, *te*, *o te*;

¹ W. Churchill, *Easter Island. The Rapanui Speech and the Peopling of Southeast Polynesia*, 1912; E. Martinez, *Vocabulario de la lengua Rapa-nui, Isla de Pascua*, Santiago de Chile, 1913; S. Englert, *La tierra de Notu Matúa. Historia, Etnología e Lengua de la Isla de Pascua*, (Chile), 1948.

² См., напр.: W. Thomson, *Te Pito te henua or Easter Island. Annual Report of the Smithsonian Institution, for 1889*, Washington; S. Routledge, *The Bird Cult of Easter Island*, «Folk-Lore», т. XXVIII, № 4, 1917; A. Métraux, *Ethnology of Easter Island*, Honolulu, 1940; T. Heyerdahl, *Aku-aku. The Secret of Easter Island*, 1958.

³ S. Englert, Указ. раб.

⁴ Там же.

⁵ Народы Австралии и Океании, под ред. С. А. Токарева, С. П. Толстова, М., 1956, стр. 560. (серия «Народы мира, Этнографические очерки». Под общей редакцией С. П. Толстова).

⁶ W. Thomson, Указ. раб.

⁷ W. Churchill, Указ. раб.

⁸ A. Métraux, Указ. раб.

⁹ S. Englert, Указ. раб.

¹⁰ C. Ch. Ojeda, *Geo-Etimologia de la isla de Pascua*, Santiago de Chile, 1947.

тогда как в рапануйском языке имена собственные могут употребляться с различными артиклями или без них¹¹. Названия сортов культурных растений, видов рыб, моллюскообразных и т. п. приводятся обычно в одной словарной статье под общим названием, если последнее входит в название сорта или вида (например, *heke* 'осминог'; *heke korotea* 'большой осминог'; *heke pupa* 'маленький осминог'). Но если название сорта или вида не включает в себя общего названия, то оно дается отдельной статьей, с ссылкой на основную словарную статью (например, *okeoke* см. *kumara*). Этот принцип, однако, автор не всегда четко соблюдает. Так, названия сортов культурных растений он приводит дважды, названия рыб дает лишь отдельными статьями без отсылки к слову *ika* 'рыба', названия ветров дает только под словом *tokerau* 'ветер'.

Не совсем понятно, по какому принципу подбирался словарный материал. Названия сортов бананов (*maika*), например, даются по Метро, названия сортов ямса (*uhi*), таро (*taro*), батата (*kumara*) — по Мартинесу. Названия сортов сахарного тростника (*toa*) совсем не приводятся. В словаре можно найти лишь некоторые названия ночей лунного месяца (*kokore tahi*, *kokore rua*, *kokore toru*, *kokore ha*, *kokore rima* — 'первые пять ночей лунного месяца'), хотя у Энглерта они приведены полностью.

В словарь включено много таитизмов, но, к сожалению, почти нет указаний на таитянское происхождение отдельных слов. Правда, автор часто указывает в скобках, что данное слово в таитянском языке имеет такое же значение, но этого недостаточно. Ведь такие слова, как *api* 'покрывать' (маор. *kapi* 'быть покрытым')¹²; *atu* 'есть' (маор. *katu* 'есть'); *amuramaa* 'стол'; *tao'a* 'груз, запасы, торговля' (маор. *taonga* 'имущество, ценность'), не только совпадают с таитянскими по значению, но и являются заимствованиями из таитянского языка, на что указывает хотя бы отсутствие не характерных для этого языка звуков *k* и *g*. Числительное *piti* 'два' также является таитянским заимствованием. Энглерт, помимо этих слов, считает таитизмами такие слова, как *tape* 'сильный, семя'; *vahine* 'женский, женщина'; *rata* 'приучать, привыкать'; *tano* 'поправлять, выравнивать'; *varua* 'дух, душа, сон'. В некоторых случаях Фуэнтес не указывает на заимствования из европейских языков, попавшие в рапануйский язык или непосредственно, или через таитянский язык. Например, такие слова, как *hobe* (фр. *veuve*) 'вдова'; *hanere* (англ. *hundred*) 'сто'; *tautini* (англ. *thousand*) 'тысяча', даны в словаре как рапануйские.

Грамматика в работе Фуэнтеса состоит из 11 глав (II—XII), посвященных подробному рассмотрению отдельных частей речи рапануйского языка, и одной главы (XIII), разбирающей случаи удвоения морфем. Автор признает, что рапануйский язык сильно отличается от европейских языков; однако ради удобства лексику рапануйского языка он разделяет на те же части речи, которые присущи всем индоевропейским языкам, хотя слова в рапануйском языке и не имеют соответствующих характерных признаков. Фуэнтес считает, что в рапануйском языке слова отличаются большой приспособляемостью (*adaptabilidad* — стр. 49, 57) и что одна часть речи может легко превращаться в другую. Правильнее было бы сказать, что в рапануйском языке существует большее количество грамматических омонимов, выступающих, в зависимости от контекста, в качестве существительных, глаголов, наречий и т. д. Например, *are* 'цветок' и 'выкапывать, вырывать'; *agoago* 'голод', 'голодать' и 'голодный'; *ora* 'сон, покой', 'жить, существовать', и 'живой, здоровый'.

В рапануйском языке Фуэнтес различает три рода — мужской, женский и средний, с чем, конечно, согласиться нельзя, так как существительные не имеют никаких особых грамматических признаков рода. Чтобы указать пол одушевленных существ, в рапануйском языке употребляются пояснительные слова *tamaaroa* 'самец, мужской'; *tamahahine* 'самка, женский'; *tane* 'мужской, мужчина'; *vie* 'женщина' и др. Например, *matua tamaaroa* 'отец'; *matua tamahahine* 'мать'; *poki vie* 'девочка'.

Автор почему-то не останавливается на разнообразных способах выражения падежных отношений, часть из которых уже была описана Энглертом. Отсутствие исторического подхода к языковым фактам сказывается и на грамматической части работы Фуэнтеса. Рапануйский язык обогатился новыми формами, некоторые старые формы получили в современном языке широкое распространение, но автор не отмечает эти новые явления.

Новым явлением в рапануйском языке нужно, вероятно, считать широкое употребление частицы *ga* в качестве признака множественного числа как одушевленных, так и неодушевленных существительных (стр. 51)¹³. Произошло это, видимо, под влиянием таитянской частицы *nau*. Изменилась и система числительных. Так, многие числительные, начиная с 10 (например *ehoeahuru ma hoe* 'одинадцать'; *ehoeahura maha* 'четырнадцать'; *epitiahuru ma pae* 'двадцать пять' и т. д.), представляют собой, хотя и в несколько измененном виде, заимствования из таитянского языка.

¹¹ S. Engler t, Указ. раб., стр. 378, 379, 380 и след.: A. Métraux, Указ. раб., стр. 368.

¹² Так как рапануйский язык особенно близок к майорийскому, то в скобках приводятся майорийские слова (по словарю: W. Williams, A Dictionary of the Maori Language, Wellington, 1957).

¹³ В старом языке частица *ga* употреблялась только с одушевленными существительными (см. S. Engler t, Указ. раб., стр. 335; J. Fuentes, стр. 51).

При знакомстве с работой Фуэнтеса возникает много вопросов, остающихся без ответа. В большинстве полинезийских языков *he* является неопределенным артиклем¹⁴, автор же данной работы относит его к определенным артиклям (стр. 44). Непонятно, почему автор считает *e* (артикл *e te*) относительным местоимением (например, *ku ohs a e te poki* 'это ребенок, который ушел' — стр. 85). Фуэнтес указывает на две частицы — *ka* и *ki*, при помощи которых образуется повелительное наклонение. Интересно было бы узнать, каково происхождение частицы *ki* и когда она появилась (в ранних работах по о-ву Пасхи можно найти указание на то, что повелительное наклонение образуется лишь при помощи частицы *ka*).

Автор не отмечает в современном рапануйском языке и некоторых глагольных форм, приводимых Энглертом (например, форм *ku-ro-ai*, *i-ro-ai* и др.). Фуэнтес считает *riki* (стр. 60) формой множ. числа для слова *iti*, хотя и то и другое слово являются, вероятно, параллельными формами, имеющими значение 'маленький' (ср. маор. *riki* 'маленький'). В последней главе грамматического очерка рассматриваются случаи удвоения морфем, но не все. Автор останавливается лишь на типе полного удвоения морфем, хотя для полинезийских языков характерно и неполное удвоение. К числу недостатков рецензируемой работы относится и то, что приводимые примеры часто не дают представления об употреблении тех или иных грамматических форм (см., например, стр. 45, 51, 60, 79 и др.). Однако, несмотря на указанные недостатки, книга Х. Фуэнтеса является полезной работой, в которой собран интересный материал по современному языку о-ва Пасхи.

И. Федорова

¹⁴ Народы Австралии и Океании, стр. 566.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ответ на рецензию В. С. Сорокина

В своей рецензии на мою книгу «Восточный Казахстан в эпоху бронзы»¹ В. С. Сорокин выбрал как объект критики только три вопроса. Это — хронологическая классификация памятников андроновской культуры в Восточном Казахстане, ее особенности на рассматриваемой территории и происхождение андроновской культуры. Основные, наиболее пространно аргументированные возражения рецензента касаются выделенных мной четырех хронологических этапов. Несогласие именно по этому вопросу служит В. С. Сорокину уже достаточным основанием для общей отрицательной оценки всей книги, поскольку остальные две упомянутые проблемы он критикует, не особенно вдаваясь в подробности.

Так как В. С. Сорокин считает, что вся предложенная мной хронологическая классификация неверна и доказательств ее «от начала до конца ошибочны», — а эти вопросы наиболее существенны в любом археологическом исследовании, — посмотрим в свете фактического материала, насколько правильны утверждения рецензента.

Кованые листовидные орудия, относимые мной к первому усть-буконьскому этапу (синхронному окуневскому), по мнению В. С. Сорокина, «типологически» не андроновские и отнесение их к этому наиболее раннему этапу андроновской культуры «произвольно».

Я не буду повторять всю аргументацию, она достаточно подробно изложена на стр. 95, 96 моей книги, напомним только, что ножи листовидной формы найдены в Окуневском могильнике и в Омском кладе, что орудия этих типов встречены во всех соседних культурах, синхронных этому этапу, — афанасьевской, глазковской, катакомбной, ямной.

Сосуды из Усть-Буконьского могильника В. С. Сорокин переносит в следующий этап на том основании, что они «находят себе полные аналоги» в материалах из поселения у аула Канай. Между тем, никакой «полной аналогии» нет. На сосудах из Канайского могильника — широкая полоса окаймленных вдавлениями зигзагообразных оттисков гребенчатого штампа и полосы косых оттисков гребенчатого штампа с треугольниками у венчика. На усть-буконьских же — горизонтальные полосы вдавлений и косых насечек, покрывающих всю поверхность андроновского по форме сосуда (см. табл. VII и XIX)². Такой прием орнаментации всего сосуда горизонтальными полосами восходит еще к неолиту (сошлюсь на работы Брюсова, Гуриной, Фосс, Чернецова и др.) и никак не характерен для керамики федоровского типа.

Могилу 9 Канайского могильника В. С. Сорокин считает не андроновской. По его мнению, этому противоречит обряд погребения (на спине, с поднятыми коленями), а прямоугольная ограда встречается также и в афанасьевских могильных памятниках.

Однако о таком обряде погребения М. П. Грязнов писал следующее: «Для оку-

¹ «Материалы и исследования по археологии СССР» (в дальнейшем — МИА), № 88, М. — Л., 1960.

² Здесь и далее в тексте ссылки на таблицы моей книги.